

Книжная рецензия

УДК 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-4-28-175-178>

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Алина Алексеевна Королева

МГИМО МИД России, Москва, Россия

a.koroleva@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0325-9486>

Кочергин И. Присвоение пространства. — Москва: Новое Литературное Обозрение, 2022. — 192 с.

Публицистический жанр путевых заметок или дневника путешественника определённо представляет интерес как для широкой аудитории, так и для полевых исследователей за счёт тесного переплетения когнитивного и эмоционального уровней восприятия наблюдаемых автором событий. А классические работы по культурной антропологии как раз и представляют собой полевые записи, на которых учатся следующие поколения. Рецензируемая книга «Присвоение пространства» из серии «Письма русского путешественника» издательства Новое Литературное Обозрение не претендует на научность, но это в данном случае скорее её преимущество. Автор — прозаик Илья

Кочергин — вложил в текст свой автобиографический опыт из 1990-х гг.: «оставив учёбу в Институте Стран Азии и Африки, уехал из Москвы в Сибирь и отправился путешествовать по Сибири».

У человеческой памяти есть интересное свойство: по прошествии времени воспоминания искажаются, остаются только наиболее яркие события, а контекст может заменяться воображением. И. Кочергин вновь возвращается в те места из прошлого и восстанавливает впечатляющие образы из своей памяти. Первая часть книги «Чувствительность к географии» повествует о возвращении на Алтай, где он в 1990-е гг. был лесником в Баргузинском заповеднике. Биосферные заповед-

ники — это особо охраняемая природная зона, доступ к которой закрыт, запрещена всякая хозяйственная деятельность (сбор грибов и трав, охота и рыбалка). В Баргузинском заповеднике «природу старались сохранить в неприкосновенном виде и в ту недавнюю эпоху, когда она считалась врагом человека, стараются и сейчас, когда она считается восполняемым ресурсом. Но даже охрана границ и запрет хозяйственной деятельности в наше время не могут гарантировать чистых рек и почвы» (с. 21). Антропоцен — эпоха человека — накладывает свой отпечаток. Но ожидание пассажира о том, как браконьеры и нерадивые туристы нарушают охранный режим и оставляют за собой мусорный след, не оправдывает себя. Речь идёт о том, что это зона падения отделяющихся частей ракетносителей «Протон-М», запускаемых с космодрома Байконур, что даже опаснее. И здесь появляется вопрос, а есть ли вообще первозданная природа — или это только наше представление о том, какой она может быть? Илья Корчагин пишет: «современный мир, который человечество соорудило для себя, враждебен дикой природе, хотя на эту дикую природу всегда ссылаются как на то, что следует охранять и беречь. Отношения между современным человеком и дикой природой практически умерли, природа существует «где-то там», а специалисты её охраняют, изучают и каталогизируют. Эту природу современному городскому жителю невозможно по-настоящему «потрогать», вступить в контакт с диким животным» (с. 24).

Во второй части «Мой дом» автор переносит читателя из мистического пространства алтайских гор на стройку дома в деревне Рязанской области. Собирательный образ здесь связан уже с интерпретацией исторического наследия: «на этой ровной и не очень выразительной земле исконная русская мешанина из говорящих на правильном французском Волконских, античных колонн, гипсовых американских писателей, арабских дирхемов, венгров, оставшихся во время великого переселения народов, турецких минаретов, татар, мордвы, остзейских баронов в хрустальных гробах, вятичей, амазонки из

Рязанско-Окских могильников. Азартному директору Шиловского музея этого недостаточно, он упорно ищет на берегах Оки ещё и аномальные зоны, куда фашисты собирались заслать поисковые группы СС, связывает местные топонимы со скандинавским эпосом и утверждает, что именно здесь, в этих краях, находится один из трёх мировых центров зарождения нашей цивилизации. Цивилизации, которая, по словам трансценденталиста Эмерсона, и задушит в конце концов человеческую расу» (с. 67). Если в первой главе речь шла о человеке и природе, то здесь — о городе и деревне: «в деревне люди объединены по географическому признаку, в городе же или в интернете мы ищем общества себе подобных и, окружив себя этими подобными, стараемся соответствовать им, чтобы не быть изгнанными из коллектива. (...) А тут, как будто, этот принцип ещё не начал работать. (...) Человека в тебе и так разглядят, а своим всё равно не станешь» (с. 77).

Третья часть «Хасьенда» возвращает к природному ландшафту средней полосы, к полям, болотам, рекам и лесам. «Назад к природе уже всё равно невозможно, осталось лишь вперёд, вот и надо потихоньку переписывать культурный код родных, привычно шумящих берёзок и щемящих осинки, развивать бодрый унитарный урбанизм в деревне, которая давно мертва и не сможет сопротивляться, в окружающих её полях и лесах» (с. 101). Но ландшафт этот пуст, даже культивируемые поля предстают перед автором бледнее, чем индустриальный ландшафт: «По полю же давно никто не ходит, культивируемые поля пусты и безлюдны. Перехожие калики и босые сеятели, заблудившиеся путники и весёлые жницы в платочках исчезли. Графы Ростовы, вывозившие осенью в убранные поля богатые охоты, остались лишь на страницах романов, да и травля зверя собаками запрещена. Русской борзой теперь позволено преследовать лишь искусственных зайцев, верные спутники человека вслед за своими хозяевами осваивают виртуальные миры» (с. 105). И. Кочергин за прошедшие со своего путешествия по Южной Сибири 30 лет стал ощущать, что «мир съёжился, стал очень маленьким, хрупким и перена-

селённым» (с. 117). В русской языковой картине мира пространство традиционно описывалось категориями «простор», «ширь», «раздолье», они входят в состав культурного кода, передаваемого из поколения в поколение, но их актуальность под сомнением. Но в современном российском обществе преобладает городское население, а в крупных агломерациях сложно почувствовать истинный простор и широту.

В четвёртой части «Прогулки в заливных лугах» И. Кочергин делится взглядом туриста на отдых на природе на левом берегу Оки между Старой Рязанью и Касимовым. Образ почти нетронутой природы относительно близко к Москве вызывает у него «скуку, тревогу или даже страх. Природа, кажется, действительно пуста, а то ещё не дай бог, змеи, шершни и кабаны. Нет, нам людям интересны люди, и мы спешим обратно к реке глядеть на огоньки базы отдыха на противоположном берегу, ругать мусорящих отдыхающих и шум моторов. Так спокойнее» (с. 135). Открытое пространство вызывает у жителя мегаполиса страх, опасения вызывают и те, кто обитают на этом пространстве. В дикой природе сосуществуют на одной территории разные виды животных, оно принадлежит им, а человек здесь чужой. Как и в эпоху модерна, сельские жители продолжают делить своих диких соседей по степени полезности или вреда, а городской психически здоровый житель считает себя защитником животных, может осуждать жестокое обращение с животными, стать вегетарианцем или волонтером в приюте для животных, но при этом соседство с вредителями ему скорее всего не понравится. Отдыхая на природе, городской житель может встретиться с дикими животными и «шарахнувшись как от прокажённого, звери оставляют размышлять о всяких опасных и важных вещах — об одиночестве, смерти несвободе. Ещё можно поразмышлять о том, насколько странным и бессмысленным является слово «природа», словно бы изобретённое для того, чтобы ограничить нам познание самих себя в этом мире» (с. 139).

В заключительной части «Наследство» И. Кочергин отправляется со своим сыном-подростком по маршруту в Баргузинский заповедник. За 30 лет многое изменилось: транспортная доступность, быт, возможно — люди. Ностальгия отца и наблюдения за новыми впечатлениями сына выливаются на страницы дневника путешественника, начиная с преодоления пространства от Москвы до Горно-Алтайска, которое сын совершил на самолёте, а отец на поезде, до возвращения в Москву. В этой части поставлен ключевой вопрос книги: «Как можно передать в наследство пространство, которое тебе вроде как и не принадлежит? Временами оно полностью твоё, присвоенное и освоенное, а временами абсолютно чужое. Не омыто кровью предков, не описано в древних былинах на твоём родном языке (...) Этим ландшафтом просто дали пользоваться хорошо к тебе расположенные люди, щедро открыли некоторые его тайны и красоты» (с. 152). Передача свершилась в совместном преодолении 20 км пешком по тайге: «Мы с Васей сейчас вовсе не прогуливаемся, мы заняты более древним видом деятельности — идём по делам через тайгу. Не покоряем это пространство, не подчиняем его, не отдыхаем душой на природе и не укрепляем здоровье. Я просто решил проведать в поселке Яйлю старых друзей, а заодно показать Васе Телецкое озеро, и вот мы идём по лесной дороге в тихий серенький день» (с. 188). Заповедники как огромные ненаселённые территории — не в полной мере первобытная природа, но и не место встречи человека и природы, — воспринимаются как научные лаборатории, в которых проводится эксперимент: какой будет территория без активного вмешательства в неё человека. Это пространство за пределами городской цивилизации, которое одновременно притягивает и воспринимается как чужое.

Так, балансируя между причастностью пространству и ощущением чуждости ему, И. Кочергин, делится своим полевым опытом, приоткрывая то, что находится за пределами мегаполиса.

Book review

BEYOND URBAN CIVILIZATION

Alina A. Koroleva

MGIMO University, Moscow, Russia
a.koroleva@inno.mgimo.ru <https://orcid.org/0000-0002-0325-9486>

Kochergin, I. (2022) *Prisvoyeniye prostranstva* [Appropriation of space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

Abstract. The genre of travel notes or a traveler's diary is definitely of interest to a wide audience and to field researchers due to the close interweaving of the cognitive and emotional levels of perception of the events observed by the author. The classic works of cultural anthropology are precisely the field notes from which future generations learn. The book under review *Appropriation of Space* from the series *Letters of a Russian Traveler* does not pretend to be scientific, but this is its advantage. The author, prose-writer Ilya Kochergin, based the text on his autobiographical experience of travelling in Siberia in the 1990s. He plunges into his memories to bring to life visions of the past. The first part of the book, *Sensitivity to Geography*, tells the story of his return to Altai, where he once was a forester in the Barguzinsky Nature Reserve. Despite all the measures taken, human intervention is visible in the Reserve. The author questions the very possibility for a city-dweller to experience virgin nature. In the second part, *My House*, the author takes the reader from the mystical space of the Altai mountains to the construction of a house in a village in the Ryazan region. The collective image here is associated with the interpretation of historical heritage. While the first chapter runs about man and nature, the second is devoted to the city versus the countryside. The third part brings the readers to the natural landscape of the middle zone, to fields, swamps, rivers, and forests. We cannot get back to nature, the cultivated lands are void of life, people, animals... The author observes the world shrink over the past decades: Russian cultural code rife with concepts of grandeur and vastness of the environment has been passed down from generation to generation, yet now it might not be adequate. In modern Russian society, the urban population predominates; in large agglomerations it is difficult to feel the true space and breadth. In the fourth part, *Walks in the Water Meadows*, I. Kochergin shares a tourist's view of outdoor recreation on the left bank of the Oka river between Old Ryazan and Kasimov. The image of almost untouched nature relatively close to Moscow causes him boredom, anxiety or even fear. In the wild, different species of animals coexist in the same territory; it belongs to them, and humans are strangers here. In the final part, *Inheritance*, the author sets off with his teenage son along the route to the Barguzinsky Nature Reserve. A lot has changed in 30 years: transport accessibility, everyday life, and perhaps people. This part poses the key question of the book: "How can you inherit a space that doesn't seem to belong to you? At times it is completely yours, appropriated and mastered, and at times it is completely alien." Thus, balancing between involvement and alienation, Ilya Kochergin shares his field experience, shedding light on what is outside the urban civilization.

Информация об авторе

Алина Алексеевна Королева — кандидат культурологии, доцент кафедры философии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Alina A. Koroleva — PhD in cultural studies, Associate Professor at the Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.